

ЗНАМЕНИТЫЙ ПИСАТЕЛЬ П.В. КРУСАНОВ ПРО ЖУКОВ И АНГЕЛОВ

В приемную проректора В.П. Соломина вошли двое мужчин: преподаватель с факультета биологии М.А. Гвоздев и его бывший студент П.В. Крусанов. Ныне Крусанов является одним из популярных российских писателей, автором книг «Укус ангела», «Американская дырка», «Беспокойники города Питера» и др. Писатель, по образованию преподаватель биологии и географии, окончил институт Герцена в 1984 году. Однако посвятил себя литературной деятельности. «Его произведения входят в число обязательной литературы для студентов филологических факультетов», — сказал Валерий Павлович перед началом интервью Крусанова.

— Ваши яркие воспоминания из студенческой жизни?

— Самое яркое впечатление от учебы на геофаке — это дальняя практика, где можно было за казенный счет узнать много интересного об окружающем мире. Я не представляю, как бы я мог самостоятельно объехать весь Кавказ, а в 1983 году нам такую возможность предоставили. Мы посетили Минводы, Пятигорск, Теберду, Домбай, ездили в Ереван и на озеро Севан, оттуда в Тбилиси, и из Батуми поехали поездом обратно в Питер. Мы изучали ландшафты, почву, живность. Я вообще питаю склонность к перемене мест, и предоставленная институтом возможность посмотреть мир мне очень запомнилась.

Ну, и потом летние практики под Лугой и в Вырице. Я когда учился в университете, активно занимался музыкой. Во время олимпиады из города старались выдворить волосатую молодежь. Вот я в Вырице играл в клубе на танцах.

— Перемена мест помогает творить, в этом ваш источник для сюжетов?

— Не знаю. Может, эта потребность заложена в самом складе характера. Скажем, каждое лето мы с друзьями садимся в две-три машины и едем путешествовать, причем не по европам, а по державе, потому что когда живешь в столицах, страну под собой совершенно не чувствуешь. Она двумя столицами не ограничивается. И мы объехали массу мест — Псковскую область, Тверскую, Смоленскую, Брянскую, прошлым летом колесили по Белоруссии.

— Есть любимые места, которые вы посещали уже не один раз?

— На реке Десна останавливаемся под Десногорском в Смоленской области. Там отличное водохранилище, более приятной, ласковой воды, нежели в Десне, я нигде не встречал. В Псковской области удивительная смена ландшафтов — когда едешь по дороге, невозможно представить, что откроется за следующим холмом.

Со студенческой поры у меня осталось пристрастие к жесткокрылым. К жукам, по-простому. Я до сих пор ими интересуюсь и их собираю. У меня дома обширная коллекция, порядка 500 видов, и она постоянно пополняется, чему способствуют частые путешествия. Жуки — самый обширный отряд по видовому составу, поэтому история с коллекционированием растянется еще надолго. Пополнять коллекцию мне помогает профессор Атаев, с которым в свое время мы вместе учились на одном факультете.

— Почему именно жуки?

— Так они же красивые. Вы на них посмотрите Господь не пожалел на них краски творения. Они для мира — чистое украшение. У меня к ним даже не совсем научный подход, а, скорее, эстетический.

— После окончания вы работали по специальности, но что повлияло на смену деятельности. Может, прочитали книгу, которая спровоцировала интерес к литературе?

— Работал я по специальности очень недолго: мое окончание института совпало со временем перемен в стране, в школе тогда, как и повсюду, были сплошные проблемы. Поэтому работал я на разных поприщах, а года с 1987-го перешел на писательскую ниву. Начал публиковаться в рижском «Роднике». Этот журнал, с середины 80-х по начало 90-х, был, пожалуй, лучшим в стране — кто помнит те времена, тот поймет, что я имею в виду.

В то время я воспринимал литературу как форму организации досуга: кто-то лобзиком выгилит, кто-то из пластилина лепит, а кто-то пишет. И самоощущение от удачно построенного домика из спичек или хорошо написанного рассказа по силе чувств для авторов одинаково. Потом литература затянула, и досуг вдруг превратился в одну из основных форм деятельности.

— Что вы публиковали?

— Рассказы. Тогда я много работал с малой формой, чтобы набить руку, почувствовать слова. Потом скатился к романам.

— Какой теме были посвящены первые рассказы?

— Рассказы писались параллельно с первым романом «Где венку не лечь» (название взято из стихотворения одного малоизвестного поэта) — это история семьи в нескольких поколениях. Повторное издание вышло под названием «Ночь внутри». Так вот, эта семейная сага рассказывает от лица учителя истории, который по распределению приехал в небольшой уездный городок и погрузился в царящую там атмосферу. Как вы понимаете, косвенным образом роман связан с педагогическим университетом, поскольку рассказчик не чужд преподавательской деятельности.

— А вы действительно были отправлены по распределению?

— Нет, я работал в Питере. А место обитания персонажей — это, извините за выражение, творческая фантазия.

— Чем еще вы занимались, кроме преподавания и литературы?

— Работал осветителем в театре, техником звукозаписи, садовником, инженером по рекла-

ме, печатником офсетной печати — много чего написано в моей трудовой книжке. Работу мы далеко не всегда по любви выбираем. Теперь работаю главным редактором издательства «Лимбус Пресс».

— Если не любить работу, можно ли хорошо ее делать?

— Для этого существует понятие долга и идея служения.

— Тогда что вы любите?

— Я люблю, когда у меня хорошо складываются слова — в предложение, абзац, страницу.

— В романе «Укус ангела» действие происходит в китайской империи, в Дагестане.

вожделений. Примерно на этой волне возник замысел романа «Укус ангела». Идея империи вредит идее всемирности. Империя сама себя съедает, когда воплощает идею всемирности, к которой исподволь стремится. Когда исчезает внешний враг, начинают искать врага внутреннего. Враг, или просто некто другой, необходим империи. Если он исчезает, то начинается стагнация. Вот такая история про «Укус ангела».

— События в вашей жизни всегда влияют на задуманное произведение?

— Трудно сказать, потому что замысел приходит совершенно не согласуясь с обстоятельствами жизни. Но как-то так получается, что реальный событийный ряд, который сопутствует реализации литературного замысла, складывается таким образом, что реализации этого замысла способствует. На тебя так и сыплет со всех сторон нужный материал. Каждое лыко идет в строку. Замысел, как правило, возни-

комство, а в идеале — дружба с тем, о ком ведется рассказ. Это пространство некой эксклюзивной памяти. Эта книга — отдаленный долг тем людям, которых уже нет в живых, но которые оставили заметный след в пространстве петербургской культуры до сих пор влияют на него. Влияют и не хотят уходить. Поэтому они и беспокойники.

Когда возник замысел книги, я взял на себя музыкальную часть, поскольку сам долго варился в этом супе и знал музыкантов, о которых предстояло писать. Но, кроме музыкантов, там еще рассказывается о писателях, поэтах, художниках. Получилось хорошо — эту книгу хочется перечитывать.

— Расскажите о вашем восприятии Петербурга и его жителей. Какие находите сходства, отличия между городом, его архитектурой, метафизической и характерами людей.

— Трудно сказать, кто на кого влияет: город на людей или люди формируют городскую ауру. Пе-

художник Татьяна СЕРГЕЕВА

Вы описали разные места, в этом есть заслуга образования?

— Образование позволяет мне хорошо ориентироваться в пространстве. Если медицина дает знания о человеке, то география — знания о мире и способность пространственно мыслить.

— Под влиянием каких событий возник замысел романа?

— Роман вышел в 1999 году. В конце 80-х и в 90-е повсюду уместно и неуместно говорили об имперском сознании. Изменения, происходившие в России и мире, заставили меня задуматься над тем, что же такое имперское сознание и где предел его

кает в виде общего настроения текста. Совершенно ясно начало и финал. Проблема в том, как заполнить пространство между ними. В этом, собственно, и состоит проблема написания. Так вот, обстоятельства жизни складываются так, что помогают заполнять пустоту между первой и последней фразами.

— В книге «Беспокойники города Питера» есть биографии Курехина, Цоя, Майка Науменко. Кем они были для вас?

— Это не биографии. В «Беспокойниках города Питера» даны не просто жизнеописания, а теплые воспоминания о вполне достойных людях. Основное условие воспоминаний — личное зна-

тербург — город штукеров, способных делать уникальные вещи, пусть и в единственном экземпляре. Если говорить о тягбе двух столиц, то отличие Петербурга от Москвы состоит именно в том, что Москва — это фабрика, конвейер, где штампуют унифицированные вещи, а Петербург — лаборатория, производящая штучные изделия духа. Это отличие было особенно заметно по музыке в 80-х годах. Москва — пристанище попсы, а Петербург — обитель рок-н-ролла, который живет на разрыв аорты. Неспорно именно сюда, а не в Москву, тянуло и Шевчука, и Бутусова.

— Город изменился, и каким теперь его вы воспринимаете?

МЫСЛИ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН

ПРОФЕССОР И.Ф. ГОНЧАРОВ О ГЛАВНОМ УЧИТЕЛЕ

УШИНСКОГО В МАССЫ!

В связи с очередным обострением народного вопроса в России возникла необходимость ликбеза «поколения ты». Вскрывая глубинные пласты (много)национальной культуры, наткнулись на памятник Ушинскому, который стоит на самом видном месте, в центре педагогического прогресса, в то время как заслуги самого Ушинского остаются в тени. Почему – непонятно. Во избежание такого недоразумения Иван Федорович Гончаров, руководитель центра народного просвещения, предложил установить университетский праздник – дань великому Педагогу.

Для справки: Константин Дмитриевич Ушинский родился 19 февраля 1824 года, умер в 1870 году 21 декабря.

Иван Федорович объяснил нам идею предстоящего праздника.

– Чем Ушинский актуален сейчас?

– В свое время существовали две направленности в образовании, две отрасли культуры: религиозная и светская, которые никак не удавалось соединить. Наконец, два педагога – Ушинский и Рачинский – совместили светское и религиозное образование. Потом настал советский период, и религиозность была забыта. Но сейчас люди вновь потянулись в церковь, хотя страна во многом остается атеизированной. Не все восстанавливается сразу. Часть современных педагогов говорит о том, что Ушинский устарел. Мне же в сложившейся ситуации очевидна необходимость возродить учение Ушинского. С ним практически никто не знаком. Как познакомиться? Прежде всего, через изучение его трудов. Кроме «Родного слова», которое и только которое ассоциируется у многих с деятельностью Ушинского, он написал «О народности в общественном воспитании», «О необходимости сделать русские школы русскими», «О нравственном элементе в русском воспитании». Вопрос народности стоит сейчас ребром, вы заметили? Именно поэтому учение Ушинского современно. Современней некуда.

– Скажите, пожалуйста, как вам пришла в голову такая замечательная идея: возродить память Ушинского и ввести новый праздник для педагогов?

– А как же еще всколыхнуть общество? Никто из молодых педагогов не знаком с наследием Ушинского. Был его юбилей, вся страна отметила, а в РГПУ стояло затишье. Это великий педагог, образованнейший человек. Изучив положение образования в России, он отправился в Европу – изучать зарубежные педагогические системы. Ни одна из них не потрясла Ушинского, но одному он поразился. Все эти школы были национальными, то есть они знакомили каждого ученика с его

родной страной. А мы страну свою совсем не знаем. Может быть, потому что она такая большая и многонациональная. Но ведь это не оправдание, все россияне – русские. Значит, надо уделять знанию Родины больше внимания. Включить в программы школ специальные предметы, посвященные изучению русской культуры. Возможно, в виде коротких курсов, возможно, в виде факультативов. Но самое главное, сама соль заключается в учителе. Учитель должен воплощать в себе лучшее качество своего народа и передавать это качество своим воспитанникам. Идея Учителя – это то, что Ушин-

– В чем суть положений праздника? Как он будет организован?

– Суть в том, что праздник устанавливается нашим университетом, но основная его задача – вызвать интерес к Ушинскому по всей России. Поэтому праздник будет считаться всероссийским. Мы разошлем приглашения всем педагогическим университетам страны, чтобы они подготовили материалы на темы, связанные с Ушинским, его жизнью и творчеством. Все материалы не пропадут просто так. Мы будем публиковать сборники и распространять их по университетам, институтам повышения квалификации педагогов и русским школам. Последних по России насчитывается 300 или 400, и для них собранные материалы будут представлять большую ценность, потому что русские школы работают по программам, нацеленным на доскональное изучение народного наследия.

– Так уж повелось, что неформальные встречи студентов происходят у памятника Бецкому, а Ушинский становится центром официальных мероприятий. Может быть, имеет смысл поменять памятники местами: Ушинского – в массы, Бецкого, к ректорату?

– Ну конечно, Бецкой ведь стоит в тихом месте, где можно посидеть спокойно и попить пивка, кто же станет делать это рядом с главным корпусом? Так что Ушинскому более почетное место досталось. Кстати, недавно отмечался юбилей Бецкого, в нашей библиотеке до сих пор находится грандиозная выставка его творческих работ и воспоминаний. А дело Ушинского действительно достойно того, чтобы оставаться в массах. С его идеей должен быть знаком каждый педагог, чтобы, как писал Ушинский, «не быть иностранцем посреди России».

Ольга МАКАРОВА,
корреспондент «ПВ»

– Город стал лучше и чище. Фасады обновили, замостили тротуары. Но происходит другая беда: до нас докатилась московская волна перестройки центра. Ради Бога, стройте свои вавилонские башни, выжимайте из каждого сантиметра земли копейку, но в центр не суйтесь. Научитесь ценить то, что сделано до вас.

Я удивляюсь, когда слышу от чиновников «давайте делать, как в Европе». Да были ли они в Европе? Видели ли камни, чей покой никто не смеет нарушить? Видели ли они деревья в скверах, которым по двести-триста лет?

Ну, а по внутреннему самоощущению, город остается прежним – лаборатория, производящая уникальные вещи.

– Можете назвать себя петербургским интеллигентом?

– Нет. Более того, я считаю, что идеализировать интеллигенцию вредно. Интеллигент – это человек, который умственными навыками зарабатывает себе на жизнь, никакого морального плана в этом определении нет и привносить его туда не следует. Не надо путать интеллигента с культурным человеком. Почему интеллигенция вдруг стала совестью нации? Почему на интеллигенцию навесили массу безукоризненных качеств, я вообще не понимаю. Интеллигент может быть умным подлецом. Задача интеллигенции – умственная услуга тех или иных общественных групп или, извините за выражение, классов. Отсюда и существование понятий – буржуазная интеллигенция, рабочая интеллигенция.

Я участвовал в сборнике «Вехи вех», вышедшем в 1999 году во Франции, где оценивалась роль интеллигенции в судьбе России, и она, эта роль, оказалась далеко не благотворной. Собственно, об этом писалось еще в первых «Вехах», вышедших в 1909 году, где на тему интеллигенции размышляли Бердяев, Шестов, Сергей Булгаков, Франк и другие неглупые люди.

– Назовите писателей, которых часто цитируете про себя?

– Имена таких писателей меняются. Постоянных нет. В свое время я был очарован Фолкнером, потом Борхесом, потом Павичем. Для меня хороший писатель – тот, чья книга после прочтения становится частью моего жизненного опыта.

– А Экзюпери, Мисима?

– Мисима – интересный автор, я читал и понимал, что он мастер, но очарования не было. Экзюпери – романтик, но романтикам, как правило, не хватает самоиронии, которая у писателя должна присутствовать непременно, чтобы не позволить ему раздуться и завышать самооценку.

– Объясните понятие «художник своего времени»?

– Часто авторы хотят поставить себя в положение голоса поколения, но эта позиция «я вам расскажу о вас» – ущербная. Автор сам себя загоняет в жесткие границы, то есть привязывается ко времени и менталитету поколения. Чем больше текст наполнен временными и социальными привязками, тем быстрее он перестает быть актуальным. Люди подчас бывают рады увидеть себя во всей красе – от нижнего белья до высот духа, но придет следующее поколение и скажет:

«Все, ребята, сливайте воду, о вас мы слушать больше не хотим, пусть кто-нибудь теперь расскажет нам о нас». Я не думаю, что в художественном тексте должна быть документальность, для этого есть газеты.

– Значит, вы ищете вечность, именно то, что есть всегда?

– Хочется говорить о тех вещах, которые не сиюминутны. Например, человек на девяносто процентов состоит из воды, а еще из чего? Еще из метафизики. Она больше, чем химические элементы, на которые человека можно разложить. Об этом и хочется говорить.

– Литературой стали заниматься только из интереса, или повлияло материальное положение?

– Литературу нельзя воспринимать как источник средств для существования, и не надо здесь обольщаться. Роман пишется, в среднем, в течение полутора лет. Гонорара, пусть даже приличного гонорара, получаемого раз в полтора года, для достойного существования не хватит. Я говорил, что сначала относился к литературе как к организации досуга, потом, увидев востребованность, стал писать с расчетом на публикацию, хотя на технике письма это никак не сказалось. Делай, что считаешь необходимым, а заработать можно другим путем.

– Что сегодня предпочитают публиковать издатели, какие романы, какого содержания, что востребовано?

– Такой формулы нет. Я как издатель не могу сказать, какая книга выстрелит как бестселлер, а какая ляжет на складе. Просчитать на все сто, почему вышло так, а не иначе, невозможно.

Любое издательство ищет хороших авторов с рыночным потенциалом. Проблема не в том, чтобы издать, а в том, чтобы продать. Сочетание в авторе таланта и его нацеленности на коллективное ожидание, в общественное сладчайшее, – это идеал. Это то, что резонирует, вызывает отклик. Но не всегда это можно однозначно распознать.

– И все же, каждое время диктует свои задачи, которые литература как искусство может решать.

– Может, и диктует. Не знаю. Есть читательские группы. Спрос на определенные жанры есть всегда. Время как двадцать лет назад диктовало, что детективы будут продаваться хорошо, так и сейчас диктует. Но я говорил не о жанровой литературе.

– В университете у вас были преподаватели, общение с которым вас наполняло и вдохновляло?

– Это Виктор Георгиевич Мосин, Михаил Александрович Гвоздев, профессор Ключкин... Много лет прошло, всех сразу и не вспомнишь.

– Ваши пожелания университету к 210-ю, его преподавателям и студентам?

– Преподавателям – хороших зарплат, умных студентов и возможности заниматься научной работой. А нынешним студентам советую не брать пример с нас – в свое время мы часто вместо лекций сидели в своем «23-м» корпусе, в пивбаре «Висла».

Леон БЕДОЕВ

